

ВАВЛЁ НЕНЯНГ (опыт обобщения материалов и составления родословной)¹

Ю.Н. Квашнин

Обобщены и проанализированы сведения о руководителе выступлений ненецкой и хантыйской бедноты 1830–1840 гг. Вавлё Нянянг, опубликованные в дореволюционных краеведческих изданиях, историко-этнографических исследованиях советского времени, а также в художественной литературе. Впервые на основе архивных материалов XVIII–XIX вв. и новейших исследований историков предпринята попытка составления его родословной, высказано мнение о разбойничьем характере его выступлений, определено возможное место его ссылки и смерти.

Вавлё Нянянг, Ваули Пиеттомин, Березов, Обдорск, самоеды, остяки, ненцы, ханты, разбойник, народный герой, родословная, Карачея, арест, ссылка.

Вавлё Нянянг, или, как его чаще именуют, Ваули Пиеттомин,— возмутитель спокойствия на севере Тобольской губернии в 30-х — начале 40-х гг. XIX в. Происходил он из небогатой семьи ненцев рода Нянянг, кочевавшей в низовьях р. Таз. В течение 10 лет Ваули с сообщниками грабил богатых соплеменников, отбирая у них оленей и пожитки. В 1839 г. его арестовали, судили, били плетью и сослали на поселение в Пирчинскую волость Сургутского уезда. Через два месяца он бежал оттуда в родную Тазовскую тундру, собрал ватагу из малооленных ненцев и хантов и продолжил воровство и грабежи. Обладая значительной физической силой и, как говорили, шаманским даром, он объявил себя старшиной над всеми инородцами. Продвигаясь со своей ватагой к Обдорску (ныне Салехард), Ваули обещал людям сместить ставленника царской власти хантыйского князя Тайшина, снизить налоги и повысить цены на пушнину. В январе 1841 г. в Обдорске он был обманом схвачен и препровожден в Березов. После долгого следствия, в 1843 г., Ваули был осужден, сослан в Восточную Сибирь, где его следы и затерялись. Такова краткая хронология и история событий [Судьбы..., 1994, с. 23–27].

В данной статье собраны и проанализированы сведения о Вавлё Нянянге, опубликованные в дореволюционных краеведческих изданиях, историко-этнографических исследованиях советского времени, а также в художественной литературе. Впервые, на основе материалов Тобольского государственного архива (ГУТО ГАТ) и новейших исследований историков, предпринята попытка составления родословной Вавлё и его родственников. Основываясь на фактах, изложенных в материалах следственного дела, высказано мнение о разбойничьем характере выступлений Вавлё и его сообщников. Актуальность темы обоснована непреходящим интересом со стороны историков, этнографов, краеведов к личности Вавлё, неустоявшимся четким отношением к нему как к народному герою или разбойнику, невыясненными до конца обстоятельствами его ссылки и смерти.

Написано о Ваули не так уж много. Современники событий и краеведы второй половины XIX в. не уделяли ему особого внимания. Всего полторы страницы посвятил ему Н.А. Абрамов в «Описании Березовского края». Вероятно, он опирался на свидетельства очевидцев и людей, имевших отношение к следствию. Правильно указывая даты событий, автор неверно называет имена некоторых участников. К примеру, упоминая одного из сообщников Ваули, он пишет, что тот «бежал с главным товарищем своим Майри Ходакым» (правильно Майри Ходиным). Остяка Япту Мурзина, которого Ваули хотел назначить князем вместо Тайшина, Абрамов называет Янка Муржан. Обдорский мещанин Нечаевский, сыгравший одну из главных ролей в поимке Ваули, назван у него Нечальским [Абрамов, 1857, с. 356–357].

Компиляцией текста Н.А. Абрамова, с незначительным перефразированием и обрезкой, можно назвать заметку о Ваули Пиеттомине в «Исторических этюдах» С.С. Шашкова. Там мы встречаем того же «Майри Ходакым» [Шашков, 1872, с. 220–221].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00097 «Этнодемографическое, биоантропологическое и археологическое комплексное изучение тазовских ненцев и селькупов».

Издавелека, как бы из тумана времени, встает перед нами образ Ваули в рассказе З.А. Барша «Обдорский возмутитель», опубликованном в журнале «Русская старина» в 1881 г. Не отступая в целом от канвы событий, автор описывает их вольно, применяя весь свой литературный талант. Кроме того, не обременяя себя уточнением подробностей, Барш называет князя Тайшина Тайминим и неправильно указывает годы, когда Ваули учинял беспорядки: «1844 или 1845» [1881, с. 377–386].

Не отличаются оригинальностью и произведения о Ваули Пиеттомина в краеведческой литературе начала XX в. Например, в статье П.П. Славнина «Самоеды-грабители в Обдорском крае» и в историческом очерке об Обдорске В.Н. Герасимова почти полностью повторяется описание З.А. Барша [Славнин, 1909, с. 1–10; Герасимов, 1909].

Особое место среди источников о Ваули занимает рассказ Евы Фелинской², польской ссыльной, проживавшей с 1839 по 1841 г. в Березове. Опираясь, по всей видимости, на рассказы очевидцев, она приводит некоторые интересные подробности и несколько иначе, чем в документах следствия, описывает ход событий. Она пишет о крайне панических настроениях жителей Березова, боявшихся, что Ваули (Waul) сначала возьмет и разграбит Обдорск, а затем доберется и до них. Князь Тайшин (Obdorski), по ее словам, был захвачен одним из постов охраны Ваули, и тот, желая отомстить за обиды, приказал своим людям немедленно казнить князя. От расправы Тайшина спас купец Нечаевский (Neczajew), находившийся в стойбище Ваули и уговаривавший его приехать в Обдорск. Ваули пощадил князя, но потребовал от него отказа от управления своей ватагой и уплаты контрибуции в размере нескольких сотен оленей. Князь принял оба условия и клятвой подтвердил договоренность, по принятому у них обычаю полизав слюну, сплюнутую Ваули. В Обдорске Ваули пировал и принимал все знаки уважения в юрте Тайшина. В это время местные жители под предводительством зырян, приехавших на ярмарку из Архангельской губернии, захватили сообщников Ваули и отвязали оленей от их нарт. После ареста Ваули заковали в кандалы, в которые при ковке был добавлен гвоздь из конской подковы. Такое железо, по словам кузнеца, не поддается никаким шаманским чарам, и Ваули не сможет освободиться из оков [Felińska, 1852, s. 324–338].

Интерес к личности Ваули Пиеттомина возродился после революции 1917 г., когда историки, вдохновленные идеями коммунистической партии, пытались у каждого народа, проживающего в Советском Союзе, найти вождей народно-освободительного движения против царизма [История Сибири, 1968, с. 442–443]. В 1920–1930-е гг. в тобольских и омских газетах появлялись короткие статьи и заметки о Ваули, пафосно описывающие события тех далеких лет [Гущин, 1925; Наговицын, 1937].

Одной из первых научных публикаций тех лет является статья В. Корниенко «Восстание Вауля» в журнале «Советская этнография». Статья получилась не строго научной, но идеологически выдержанной в духе времени. Больше половины ее занято рассуждениями о бедственном положении ненцев при царизме и критике буржуазных историков (В. Иславина и З.А. Барша), а полноценного представления о сути «восстания» и о личности «вождя» не дано [1932, с. 112–119].

Небольшой двухстраничный отрывок, посвященный Ваули, имеется в одной из работ В.Г. Карцова. Текст отрывка заполнен цитатами из работ Н.А. Абрамова, З.А. Барша и П.П. Славнина и завершается пессимистичной концовкой о бессилии народов Севера в борьбе с самодержавием [1937, с. 107–109].

В 1939 г. коллективом работников Омского исторического архива под редакцией К.Е. Розанчугова были подготовлены и напечатаны в журнале «Красный архив» материалы о деятельности Ваули Пиеттомина [Из истории..., 1939, с. 152–177]. Годом позже они были дополнены и собраны в книгу «Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX в.» [Ваули..., 1940]. Это первая публикация материалов следствия по делу «о возмущении инородцев Обдорского отделения». Кроме официальной переписки местных чиновников с высокопоставленными лицами здесь представлены материалы допросов участников и свидетелей событий. В целом по прочтении материалов дела складывается довольно полная картина деятельности Ваули и его сообщников, которую иначе как воровством, грабежами и насилием не назовешь. Хотя редакторы в одном из примечаний попытались оправдать его словами: «Царская

² Фелинская Ева (урожденная Вендорфф) (1793–1859) — одна из выдающихся польских женщин XIX в., мать Зигмунта Фелинского, архиепископа Варшавы. За участие в тайной организации «Содружество польского народа» в 1839 г. была сослана в Березов. Литературную деятельность начала с 1843 г.

администрация стремилась всякому социальному движению угнетенных масс приклеить ярлык грабительства» [Там же, с. 15].

В том же 1940 г. в «Историческом журнале»³ была опубликована рецензия С. Карамоленко на омскую книгу о Ваули. Объективной оценки публикации она не дала, большая часть текста состояла из экскурса в историю народов Сибири и их бедственного положения при царизме, а остальная — почти полностью из цитат опубликованных архивных материалов [1940, с. 136–139]. На публикацию материалов омского архива откликнулись также журналы «Омская область» и «Сибирские огни», напечатавшие статьи «Новое о Ваули Пиеттомине» и «Ваули Пиеттомин» [Новое..., 1939, с. 52–53; Утков, 1940, с. 228–231].

После долгого перерыва, во второй половине 1990 г., к теме восстания Ваули попытались вернуться исследователи из Тюмени и Салехарда. В монографии В.П. Петровой и Г.П. Харючи был опубликован краткий очерк [1999, с. 22–27], а в материалах одной из конференций — доклад В.Ю. Вануйто, посвященные восстанию [1995, с. 16–19]. Авторы очерка, описывая ход событий 1830–1840 гг., по сложившейся традиции характеризуют Ваули как народного героя и защитника бедноты. Автор доклада не столь категорична и призывает исследователей спокойно изучить литературные и архивные материалы и дать взвешенную оценку событиям тех лет.

Не остались в стороне от этой темы и беллетристы. Одним из первых, в 1932–1937 гг., повесть о Ваули написал уральский писатель А.М. Климов. Используя фактические данные из работы Н.А. Абрамова, он повторил все его ошибки (Янка Муржан, Майри Ходакым). Ненецкие шаманы и родовые старшины показаны автором толстыми, злыми и жадными, а Ваули и его товарищи — слабыми и безвольными [1950, с. 5–45].

Облеченные в форму красивой легенды материалы о Ваули вставил в свою повесть «Полярная гвоздика» Е. Коковин [1972, с. 9–12]. В рассказе И.Г. Истомина «Легенда» продолжателями дела «отважного Ваули» стали Ленин и коммунисты [1997, с. 342–353].

Историческую повесть «Сын племени Нянянгов» выпустил в 1964 г. омский историк-краевед и писатель М.Е. Бударин [1964]. Основной повести стала глава «Восстание Ваули Пиеттомина» в его монографии «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири» [Бударин, 1952]. Используя материалы Омского архива и собственные изыскания, он попытался создать образ «борца за счастье народов Обского Севера». Несмотря на большую работу, проделанную автором, повесть, на наш взгляд, получилась неудачной. Фактический материал перемежается здесь с художественным вымыслом, что, в принципе, допустимо. Однако в произведении сквозит полное незнание и непонимание образа жизни кочевых народов Севера, которым автор приписывает речь и поступки современных ему людей с «большой земли». Имена героев повести, ненцев и хантов, заимствованы из материалов следственного дела, многие из которых записаны там неправильно.

Самым объемным художественным произведением о Ваули Пиеттомине стало творение сибирской писательницы М. Анисимковой. Законченная в 1977 г. историческая повесть «Ваули» [1980] была постепенно доработана ею и стала романом в 368 страниц, выдержавшим два издания [Анисимкова, 1984, 1994]. По прочтении складывается впечатление, что М. Анисимкова также была мало знакома с аборигенами Севера, хоть и была замужем за манси. В романе допущена масса неточностей в описании природы, социальных и бытовых особенностей жизни ненцев. Кроме того, консультантом М. Анисимковой был М.Е. Бударин, и все неправильные имена ненцев перекочевали из его повести в ее произведения. Некоторые из имен были перепутаны так, что не сразу разберешь, где женщина, а где мужчина.

Как видно из вышеизложенного, имеющиеся источники и литература не дают объективной оценки личности Ваули Пиеттомина и его деятельности. Дореволюционные авторы однозначно называют его разбойником и грабителем, а советские — народным героем и освободителем от царского гнета. Эти вопросы вызывали острые дискуссии среди исследователей на рубеже XX–XXI вв. и остаются спорными по сей день [Огрызко, 1997, с. 279–280; Рогачев, 1998, с. 300; Каргаполов, 2004, с. 37–41]. За рамками описаний и оценок событий в научной и художественной литературе совсем затерялись сведения о семье Ваули. Известно только, что родом он был из Тазовской тундры.

³ В 1941 г. редакция «Исторического журнала» была объединена с редакцией «Историка-марксиста». С 1945 г. журнал выходит под названием «Вопросы истории».

Тазовской тундрой на географических картах XIX в. обозначалась территория Гыданского п-ва, простирающегося от Карского моря на севере до низовий р. Таз на юге. В 1796 г. она была причислена к Тобольской губернии, в 1804 г. — к Томской, а с 1822 г. вошла в состав Туруханского края Енисейской губернии. Материковая граница между Тобольской и Енисейской губерниями на картах того времени указана по-разному, то по р. Пур, то по р. Таз.

Ненцы, кочевавшие между Тазом и Енисеем начиная с середины XVII в., были приписаны к Обдорской инородной управе. Ясак они всегда платили в Обдорске, несмотря на все изменения административной принадлежности территории. Только в 1915 г. ненцам, кочевавшим вблизи Енисея, было разрешено вносить ясак в Дудинке. В конце XI — начале XX в. сезонные перекочевки на енисейскую сторону совершали около 500 обдорских самоедов. Между Тазом и Енисеем в летнее время кочевали семьи Адер, Евай, Тэседа, Пяся, Яндо, Яптунай, Яр; между Пуром и Тазом жили Сёгой и Тогой; на Тазу — Тазу-Харючи. Род Ненянг, вместе с родами Вора и Нячь, кочевал в то время по тундре в низовьях Пура [Нансен, 1915, с. 126; Васильев, 1979, с. 170–172; Судьбы..., 1994, с. 45].

Название рода, к которому принадлежал Ваули Пиеттомин, — Ненянг переводится с ненецкого языка как «комар». На обширной территории проживания ненцев можно встретить географические названия с приставкой *Ненянг-*. Некоторые из них, особенно расположенные на территории Тазовского района ЯНАО, возможно, связаны с кочеванием здесь рода Ненянг. Другие просто обозначают места, где всегда много комаров. Одним из названий Тазовского п-ва является Ненянг-Сале⁴. На северо-западе его расположена долина Ненянг-Лапте. В Тазовскую губу впадает протока Ненянг-Юн. В Приуралье есть озеро Ненянг-То и протока Ненянг-То-Танё. Еще одно озеро Ненянг-То мы находим в низовьях р. Таз, а другое в Ненецком автономном округе Архангельской области [Алекса, 1971; Лезин, 1995, с. 145; Квашнин, 2011, с. 29–30, 47].

Собственно название «Ненянг» впервые зафиксировано в материалах Всероссийской переписи населения 1897 г. [Патканов, 1911, с. 394, 422]. Однако прозвище Комар встречается в разных источниках, связанных с ненцами, значительно раньше. Впервые оно упоминается в документах 1735 г., где записан «Еней, прозванием Комар» [Обдорский край..., 2004, с. 166]. Крещеный «самоед» Собских юрт Матфей Комар отмечен в метрической книге Градо-Березовской Богородице-Рождественской церкви за 1758 г. [ГУТО ГАТ, ф. 156, оп. 20, д. 679, л. 168]. Однако в документах 1756 в. уже фигурирует «князец» низовых «самоедов» Палка Гымов (Палма Гымин), «он же и Комаров» [Там же, ф. 154, оп. 8, д. 43, л. 116; Васильев, 1979, с. 158]. Юрак Комар (чаще просто Комар) упоминается в числе лиц, получавших хлеб в Плахинском хлебозапасном магазине на Енисее с 1838 по 1842 г. [ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 846, л. 7 об., 10 об., 12 об., 16 об.]. В 1845–1847 гг. там же выдавали хлеб Хинде, Личе, Лите и Нике Комаровым [Васильев, 1979, с. 158].

С упомянутым выше самоедом Енеем в 1735 г. возле старого Мангазейского городища познакомились участники одного из сухопутных отрядов Великой Северной экспедиции. Намереваясь двинуться к Туруханску, начальник отряда Федор Прянишников потребовал подвод для перевозки людей и снаряжения. Посланные 26 октября к кочевавшим вниз по Тазу юрацким самоедам казаки привезли «Енея прозванием Комара роду Оды с сыном Мяпоем»⁵. Через два дня отряд в сопровождении самоедов двинулся в сторону Енисея. Однако 3 ноября на очередной ночевке около 20 самоедов во главе с Енеем напали на русских, ограбили отряд почти дочиства и скрылись. Увезли они с собой санки с провиантом, 11 фузеем⁶ и геодезическими инструментами [Вершинин, 2001, с. 98].

Историк Е.В. Вершинин, используя архивные документы, попытался воссоздать родословную Енея Комара. Известно, что род Ненянг выделился из рода Харючи или, как писали в документах XVI–XVIII вв., «роду Карачей». С главы этого рода и начинается родословная, а далее, по нисходящей линии, прослеживаются прямые и боковые предки Енея:

— князь рода Карачей по имени Седа впервые упоминается среди других самоедских князей в грамоте Василия III 1525 г. о принятии в подданство «самоеди югорской, которая живет по Оби реке»;

⁴ Другие названия — «Безымянный», «Малый Ямал».

⁵ Возможно, Мяпой — это не имя сына Енея (*мяпой* в пер. с нен. — небольшой аргиш для перевозки легкого чума, который берут с собой, когда перекочевывают на сравнительно далекое расстояние с частью оленей (см.: [Терещенко, 1965]).

⁶ Фузёя — дульнозарядное гладкоствольное ружье с кремневым замком.

Вавлѐ Ненянг (опыт обобщения материалов и составления родословной)

— Карачеи, братья Трясоголов и Пидирииска, в 1633 г. совершили набег на казымских самоедов и часть их «захватили в полон»;

— тот же Трясоголов, а с ним Немчин, Хиян, Малой, Хозка, Урей, люди из других родов в 1641 г. убили воеводского посыльного Ледешку Кириллова и служилого человека;

— «самоядь Большая Карачея — Хулейка с детьми, с Поскою, с Едурейком, с Немчинкой, с Хаскою — а с ними было самояди человек с двесте» в 1642 г. совершили набег на Пустозерский уезд (Хулейка брат Пидириски);

— в документах 1650–1660 гг. отмечен «лучший князец Больших Карачеев Пось Хулеев»;

— в 1652 г. захвачены и доставлены в Березов лучшие люди «Карачейской самояди» Пося (Поска) и Илга Хулеевы;

— самоеды под предводительством Маулки и Игонки Посевых в 1678 г. осаждали Обдорск;

— Корючи Хынин, предположительно сын старшего брата Пося Хулеева, в 1679 г. напал на Хантайское зимовье в Мангазейском уезде;

— Одычко Немчинов в 1696 г. во главе 400 воинов напал на ясачных самоедов;

— Еней, прозванием Комар, роду Оды в 1735 г. ограбил отряд Ф. Прянишникова [Вершинин, 2001, с. 98–99; Обдорский край..., 2004, с. 10, 20, 22, 23, 35, 38, 42, 70, 166; Перевалова, 2004, с. 53].

Из этого следует, что Еней, возможно, был сыном Оды, внуком Немчина и правнуком Хулея. Прозвище Еней (Ёнэй) в переводе на русский означает «средний». Другим именем Енея предположительно было Гыма, и соответственно он был отцом князца низовых самоедов Палки Гымова (Палмы Гымина).

Провести прямые нисходящие линии от Енея-Гымы до Ваули Пиеттомина по имеющимся архивным материалам не получается. Скорее всего, линия Ваули идет от брата Гымы. Попробуем обосновать эту гипотезу, опираясь на материалы ревизских переписей конца XVIII — начала XIX в. (рис. 1).

В IV переписи 1783 г. записан самоед по имени *Пиитома Кыимдин* (Хымдин⁷), 1744 г.р. Других людей с таким же или похожим именем во всей остальной переписи не обнаруживается. Исходя из этого рискнем предположить, что это и есть отец Ваули — *Пиеттома*. Здесь же записаны его старшие братья: Пайда 1729 г.р., Нолонда 1734 г.р., Нот 1739 г.р., а также их отец Кыимда Вынин, умерший в 1769 г. в возрасте 80 лет [ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 43, л. 124 об.–125, 133]. Соответственно деда Пиеттомы звали Вына, и он предположительно приходился родным или двоюродным братом Енею-Гыме Комару.

У Пайды и Нота жены были из рода Айвасида, не исключено даже, что это родные сестры. Жена Нолонды — из рода Яр. У Пиеттомы было две жены: первая взята из рода Айвасида, а вторая — у остяка Обдорского городка Тави [Там же, д. 72, л. 115].

К 1816 г., когда проходила VII ревизия, от двух жен у Пиеттомы было 9 детей: 4 дочери⁸ и 5 сыновей — Меюптю 1782 г.р., Майлы 1786 г.р., Ензору 1788 г.р., Семен 1791 г.р. и Хонзи 1797 г.р. Две дочери были выданы замуж, одна за остяка Обдорского городка Секманова, вторая — за Сану Лазеримина, самоеда Каменной стороны рода Ванкюты (Вануйто) [Ваули..., 1940, с. 1937]. Все сыновья к тому времени были женаты, у двух старших было по одной дочери [ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 404, л. 812] (рис. 2).

Итоги VIII ревизской переписи 1829 г. по Обдорской волости были подведены по данным отчетов 2-й ясачной комиссии [Абрамов, 1857, с. 383–384]. Из них следует, что в перепись не вошли шесть самоедских родов, а именно: Нарачи, Айвасиды, Сигунеев, Тазу-Карачей, Содомы и Аседы. Причинами их неявки, по сообщению самоедских старшин, стали малооленность и бедность, а также болезни [Сословно-правовое положение ..., 1999, с. 124–125]. Кроме того, не сохранились первичные данные переписи, где расписаны все плательщики ясака, поэтому проследить дальнейшую судьбу Пиеттомы и его детей практически невозможно. Однако на материалах следующих двух ревизий можно показать, как развивался род Ненянг.

⁷ В ненецком языке нет слов, начинающихся на букву К.

⁸ Имена женщин в переписи самоедов Обдорской волости не вносились.

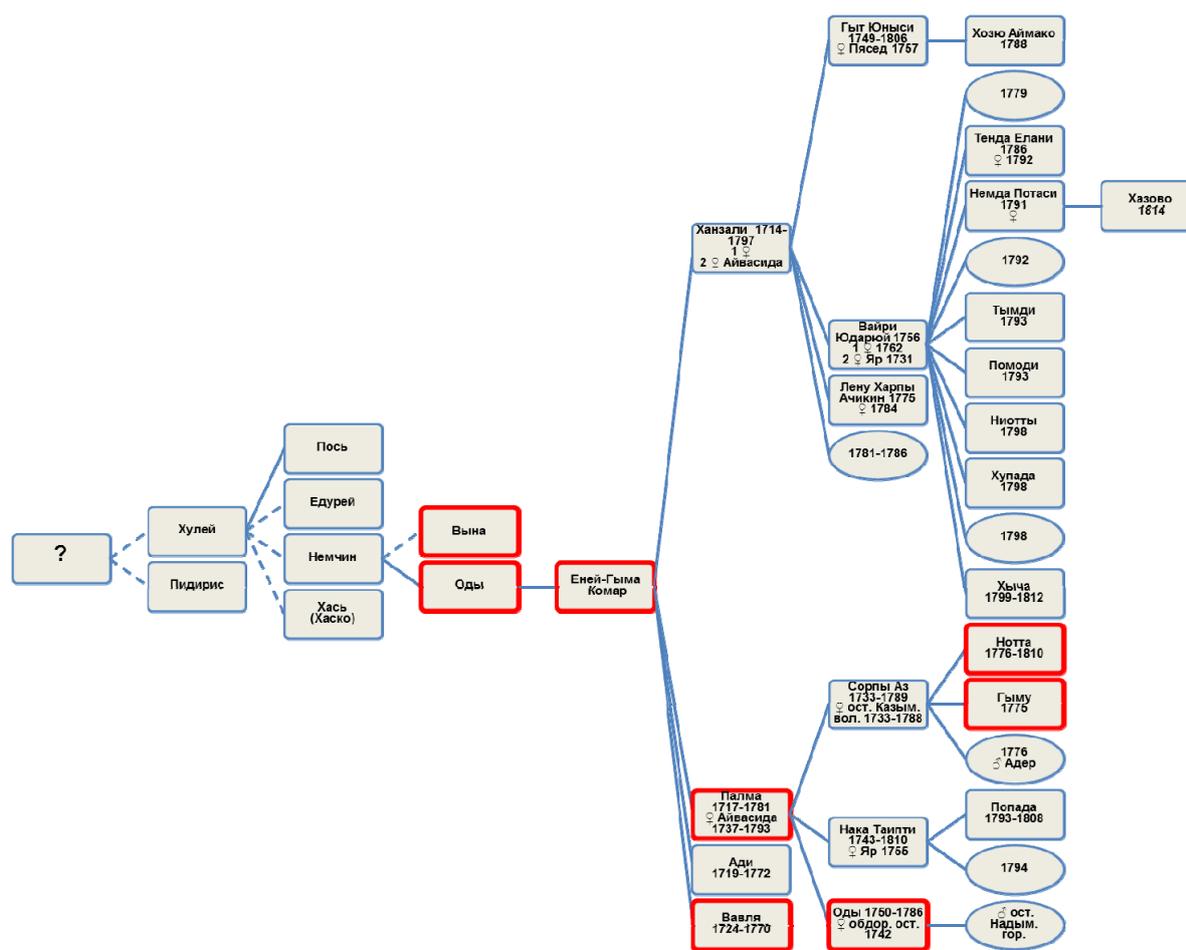

Рис. 1. Родословная предков Вавлэ Ненянга:

□ — мужчина, ○ — женщина; ♂ — супруг, ♀ — супруга; жирный контур — люди с совпадающими именами.

В IX ревизии 1851 г. все низовые самоеды были разделены на шесть родов. Кроме того, род Харючи подразделен на пять ватаг, а род Адер — на две. Пятым числится здесь род Содомы, старшиной которого является Ночи Нимгатов, 38 лет. По всей видимости, он был последним сыном в семье, так как с ним вместе по ненецкому обычаю проживала овдовевшая мать. Сразу после него записан его старший брат Содома Нимгатов (по материалам следственного дела — Ненянгин), 56 лет. Следует отметить, что в 1851 г. в роду Ненянг числилось 43 чел.: 20 мужчин и 23 женщины [ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 756, л. 95 об.–96].

В последней, X ревизской переписи 1858 г. среди 14 ватаг «бродячих самоедов» Низовой стороны отмечена 11-я ватага без названия [Там же, д. 992, л. 653 об.]. Старшиной ватаги записан Содома Ненанчин (Ненянгин⁹), 63 лет от роду, избранный старшиной скорее всего после смерти младшего брата, так как тот в ревизии не отмечен. В его ведении находились: семеро его сыновей с женами и детьми, семья другого его брата — Напти Ненанчина и еще одна, видимо, родственная семья. Всего 27 человек: 17 мужчин и 10 женщин.

Возникает вопрос, а где же среди этих записей найти Вавлэ? Здесь необходимо краткое пояснение о системе имянаречения у ненцев. Особенности ненецкой антропонимии подмечали путешественники и исследователи начиная с XVIII в. Голландский художник, путешественник и писатель Корнилий де Бруин писал: «Когда у них рождается дитя, они тотчас дают ему имя, по имени того, кто первый войдет в их палатку, будь это человек или животное, или же по имени первого встреченного ими при выходе из палатки, человек ли то, животное или пти-

⁹ Комар — Комаров; Ненянг — Ненянгин.

Вавлэ Ненянг (опыт обобщения материалов и составления родословной)

ца. Часто они дают ему имя даже той вещи, которая первая представится их взору, как-то: реки, дерева или другого чего-нибудь» [Путешествие..., 2009, с. 76].

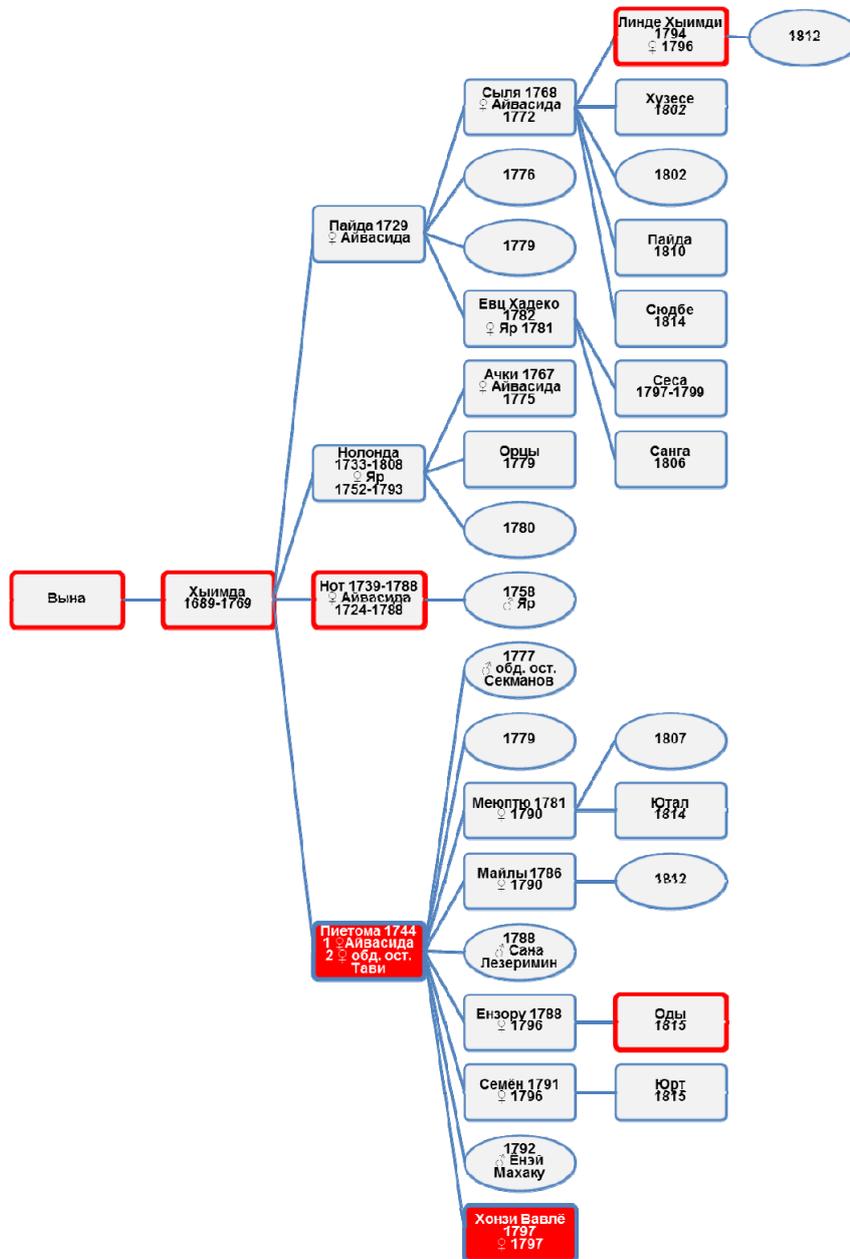

Рис. 2. Родословная семьи Вавлэ Ненянга:

□ — мужчина, ○ — женщина; ♂ — супруг, ♀ — супруга; жирный контур — люди с совпадающими именами; темный фон — Вавлэ и его отец.

Студент Василий Зуев, работавший в сибирской экспедиции академика П.С. Палласа в 1771–1772 гг., сообщал о ненецких именах следующее: «Новорожденному младенцу не дают никакого имени до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до пятнадцати лет называется, а по прошествии сих пятнадцати лет родители дают ему настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего сродника, или по сложению, сходству с животным, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, щастию и прочее...» [1947, с. 65].

Сведения о ненецких именах, полученные в XVIII в., подтверждаются исследователями XX в. Как писала Н.М. Терещенко, ненцы при выборе имени учитывали «отличительные черты наружности и поведения ребенка, сопутствующие его появлению на свет обстоятельства семейной жизни, место и время его рождения, особенности погоды, пожелания в связи с рождением и т.п.» [1989, с. 234–237].

Ненецкие имена, по данным исследователей, по сути являются прозвищами и часто носят описательный характер: Мэбета — сильный; Едейко — новенький, Сэрако — беленький, Париконе — черненькая женщина, Саване — хорошая. Выделяющуюся часть тела иногда подчеркивают, называя, например, мальчика Пыянгарка — большой нос. Родившуюся вместо мальчика-наследника девочку могут назвать Ватане — лишняя или Пуйне — последняя. Кроме имен-прозвищ, употребляемых довольно свободно, у каждого ненца имеется запретное имя, произносить которое можно или детям между собой, или когда старший зовет младшего [Хомич, 1995, с. 192–193; Сусой, 1994, с. 36; Квашнин, 2000, с. 235–238].

Иногда имя могло быть присвоено ребенку в честь уважаемого и чтимого предка. По мнению Н.М. Терещенко, ребенку предлагался образец человека, которому стоило подражать в делах и поступках. Например, имя **Вавля** в переводе означает «*ляжет на постель умершего*». Оно как бы обязывает мальчика занять в жизни место покойного деда. Это мечта о сильном человеке, хорошем хозяине, главе семьи [Терещенко, 1989, с. 235].

Основываясь на приведенных выше данных, можно предположить, что имя Вавля (Вавлэ) носил **Хонзи**, пятый сын Пиеттомы. Однако здесь трудно сказать, какое из имен было первым, а какое вторым. Кстати, имя Вавля носил один из родственников, возможно дядя Ваули Пиеттомина.

Итак, что же мы можем обоснованно предполагать о Вавлэ Ненянге? Родился он в 1797 г. в низовьях Таза. Одним из его имен было Хонзи. Именем Вавлэ он был назван в память об уважаемом покойном предке. Его отца звали Пиетома, деда — Хыимда, а прадеда — Вына. Мать его была остячкой из Обдорского городка. У Хонзи-Вавлэ было восемь родных братьев и сестер. Он был женат, но детей не имел. Его отдаленные предки происходили из рода Харючи Низовой стороны. Один из них, Еней-Гыма, прозвищем Комар, стал родоначальником рода Ненянг.

Подтвердить родство Гымы с его «братом» Выной можно сопоставляя имена людей в обеих родословных (рис. 1, 2):

- Оды, отец Енея Комара, — Оды, его правнук, 1750 г.р.; Оды, один из внуков Пиеттомы, 1815 г.р.;
- Гыма, отец «князца» Палки Гымова (Палмы Гымина), — Гыму, его правнук, 1775 г.р.;
- Нот, сын Хыимды, 1739 г.р., — Нотта, правнук Гымы, 1776 г.р.;
- Хыимда, дед Ваули, 1689 г.р., — Линде Хыимди, правнук Хыимды, 1794 г.р.;
- Вавля, сын Гымы, 1724 г.р., — Хонзи Вавлэ, сын Пиеттомы, 1797 г.р.

Как известно, наличие фонда личных имен является одним из признаков рода, поэтому вероятность ошибки в установлении родства сводится здесь практически к нулю. Из шести случаев три имени совпадают у прадедов и правнуков, что соответствует ненецким обычаям имянаречения.

Предки Ненянгов, как видно из документов XVII — начала XVIII в., были людьми сильными, смелыми, воинственными, а порой даже жестокими. Эти качества отмечены и у Вавлэ. Судя по материалам следственного дела, Ваули Пиеттомин сумел объединить вокруг себя много сторонников (до 400 чел.). Прежде всего, в его ватагу вошли родственники: его двоюродные братья Тогомпада Топкин и Ханди Ненянгин, дядя Моттай Ванцын Нырин (Моттий Таск), зять Сана Лазеримин с сыновьями. Отдельные самоеды примкнули к нему «по случаю бедности», как, например, Менчеда Санин, который до этого «бродяжа по низовым местам для пропитания себя с семейством, чинил кражи оленей из стад неизвестных ему людей». Многие же, как написано в деле комиссии по расследованию дела, были привлечены к нему «лестными обещаниями богатой добычи, шаманством и другими способами». На богатых оленеводов Ваули с ватагой навели страх неожиданными набегами и наглым уводом их оленей. По мнению «начальника губернии» М.В. Ладыженского, самоеды «боялись послушаться его, как сильного, наглого и, по их понятиям, святого человека» [Ваули..., 1940, с. 29–47].

Жестокость Ваули проявлялась в отношении людей, не желавших подчиниться его воле. Самоед Пура Сой отказался вступить в ватагу Пиеттомина, за что тот «жестоко его избил, вышиб ему передние зубы, приказал его убить, и этот несчастный обязан своим спасением сообщникам самого Ваули». Чуть не лишился зубов и другой самоед, Готта Выньпад, за то, что не стал сообщником Ваули. Чудом остался жив самоедский старшина Лаби, пытавшийся отбить у грабителей своих оленей. Князя Тайшина Ваули хотел, согласно материалам дела, избить

Вавлѐ Ненянг (опыт обобщения материалов и составления родословной)

оленьим рогом, а по другим сведениям, казнить [Ваули..., 1940, с. 31–33, 35, 40; Felińska, 1852, s. 332–333].

Конфликты происходили у Ваули и с его родственниками, в частности с упоминавшимся выше Содомой Ненянгиним, которого Ваули отстранил от старшинства за его преступления. Содома был не менее жестоким, чем Ваули. Будучи старшиной ватаги в 1820–1830-е гг., в 1839 г. убил грудного младенца у человека, женившегося на его невесте. Кроме этого, Содома избил беременную жену самоеда Хочь-Морика (возможно, Хабт-Нгарка¹⁰), обитавшего в Туруханском округе. От этих побоев женщина выкинула мертвого младенца [Ваули..., 1940, с. 24–25].

Во время следствия Ваули и его сообщники говорили, что сами они «смертоубийства не производили». Однако одно интересное свидетельство позволяет говорить об обратном. Это «Песня сестры Вавлѐ Ненянга», которая является одним из лучших образцов индивидуального творчества, ставшим общененецким достоянием. В ней рассказывается драматическая история женщины, спешащей на оленьей упряжке на выручку к своему мужу по прозвищу Ёнэй Махаку (средний Махаку)¹¹. К сожалению, она не успеваает. Вавлѐ уже убил своего зятя, видимо, за неповиновение. Но этим дело не кончается. Вавлѐ убивает и своего маленького племянника, которого он воспринимает как потенциального мстителя за отца. Он хочет расправиться и с сестрой, но та перестает ему противоречить и выказывает покорность. По мнению исследователей, в этой песне отражены реальные события того времени [Фольклор..., 2001, с. 38–39, 394–397].

Дальнейшая судьба участников событий сложилась по-разному. Сану Лазеримина сослали на поселение в Иркутскую губернию, Хонзали Палумина — в Восточную Сибирь. За остальными, «неизвестно куда скрывшимися», приказано было ограничиться строгим местным наблюдением [Ваули..., 1940, с. 45].

Среди скрывшихся в отдаленных тундрах был, вероятно, и верный товарищ Пиеттомина Майри Ходин. А.В. Головнев считает, что Пани Ходин (Тогой), продолживший в Низовой тундре в 1850-е гг. набеги на богатых оленеводов и призывавший самоедов не подчиняться властям, — это родной брат Майри [Головнев, 1995, с. 119–124]. Мы же склонны предполагать, что Пани — всего лишь второе имя Майри. Во всяком случае, в материалах VII ревизии 1816 г. у самоеда Ходы Восмова записан только один сын — Майри [ГУТО ГАТ, ф. 154, оп. 8, д. 404, л. 815 об.].

Убийство грудного младенца Содомой Ненянгиним до поимки его из бегов комиссия оставила «без положения» [Ваули..., 1940, с. 45]. Судя по тому, что в 1858 г. Содома снова числился старшиной, его преступление осталось без наказания.

Судьба Вавлѐ Ненянга неизвестна. В 1843 г. он был осужден военным судом на каторжные работы и сослан куда-то в Восточную Сибирь. По мнению исследователя О.Р. Аюпова, Ваули могли отправить в Акатуевскую каторжную тюрьму, располагавшуюся в 625 км от г. Читы при Акатуевском серебряно-свинцовом руднике Нерчинско-Заводского округа Алгачинского района Забайкальской области. Именно сюда чаще всего ссылали осужденных за грабежи, убийства, неоднократные побегі, а также разбойничьих атаманов. Скорее всего, Ваули прожил здесь недолго, потому что смертность на этом руднике была самой высокой [Аюпов, 2001, с. 23]. Возможно, какие-то сведения о нем сохранились в архивах Забайкальского края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 846. Л. 7 об., 10 об., 12 об., 16 об.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 116.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 124 об.–125, 133.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 72. Л. 115.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 404. Л. 812.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 756. Л. 95 об.–96.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 992. Л. 653 об.
ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 404. Л. 815 об.
ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 20. Д. 679. Л. 168.

¹⁰ Хабт-Нгарка — одно из подразделений рода Яптунай.

¹¹ Махаку — одно из подразделений рода Вануйто.

Литература

- Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Зап. ИРГО. Кн. XII. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1857. 488 с.
- Алекса А.П. Словарь терминов и других слов, встречающихся в ненецких географических названиях. М.: ГУГК, 1971. 106 с.
- Анисимкова М. Ваули: Историческая повесть. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. 192 с.
- Анисимкова М. Ваули: Роман. М.: Советская Россия, 1984. 304 с.
- Анисимкова М. Ваули: Роман. Сургут; Омск: Сев. дом; Омск. кн. изд-во, 1994. 368 с.
- Аюпов О.Р. Последний военный вождь или Ваули Пиеттомин: Загадки и версии // Культура Ямала. № 3–4. 2001. С. 22–23.
- Барш З.А. Обдорский возмутитель // Рус. старина. 1881. Окт. С. 377–386.
- Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. 187 с.
- Бударин М.Е. Сын племени Ненянгов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. 70 с.
- Вануйто В.Ю. Народное восстание 1841 г. // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: Исторический опыт и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 1995. С. 16–19.
- Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 243 с.
- Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX в. Омск: Обл. гос. изд-во, 1940. 48 с.
- Вершинин Е.В. Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д.Л. Овцына // Материалы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири. Самодийцы». Тобольск; Омск, 2001. С. 96–99.
- Герасимов В.Н. Обдорск: (Исторический очерк). Тюмень: Тип. «Сибирской торговой газеты» А.А. Крылова, 1909. 83 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 608 с.
- Гущин П. Уголок краеведа: Страна Вауля: (Организатор остяцко-самоедского бунта Ваули Пиеттомин). // Северянин. 1925. 11 янв.
- Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в.: (1771–1772). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 96 с.
- Из истории ненецкого народа 30–40-х годов XIX в.: (Движение Ваули Пиеттомина) // Красный архив. 1939. № 1 (92). С. 152–177.
- Истомин И. Легенда // Живун: Роман, повесть, рассказы. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. Т. 1. С. 342–353.
- История Сибири: В 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 536 с.
- Карамоленко С. «Ваули Пиеттомин» // Ист. журн. 1940. № 12. С. 136–139.
- Каргаполов Е.П. Творчество писателей Обь-Иртышья: Учеб.-практ. пособие для преподавателей и студентов профессиональных учебных заведений ХМАО — Югры: В 3 ч. Омск; Ханты-Мансийск, 2004. Ч. 1. 248 с.
- Карцов В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М.: Соцэкгиз, 1937. 132 с.
- Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. / Под ред. Н.В. Яблонской. Тюмень, 2000. С. 235–238.
- Квашнин Ю.Н. Названия родов в ненецкой топонимии // Антропол. форум. № 14. 2011 (online). С. 23–66.
- Климов А.М. Ваули Пиеттомин: (Из прошлого ненцев) // Северные рассказы. Челябинск: Обл. гос. изд-во, 1950. С. 5–45.
- Коковин Е. Полярная гвоздика: Повесть-путешествие // Мы поднимаем якоря. Архангельск: Сев-зап. кн. изд-во, 1972. С. 9–12.
- Корниенко В. Восстание Вауля // СЭ. 1932. № 5–6. С. 112–119.
- Лезин В.А. Реки и озера Тюменской области. Тюмень: Тип. фирмы «Пеликан», 1995. 300 с.
- Наговицын С. Ваули — герой ненецкого народа // Омская правда. 1937. 5 апр.
- Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915. 456 с.
- Новое о Ваули Пиеттоmine: Предводитель народного движения ненецкой и хантэйской бедноты в 30-е — начале 40-х гг. XIX в. // Омская область 1939. № 6. С. 52–53.
- Обдорский край и Мангазея в XVII в.: Сб. док. / Авт.-сост. Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург: Тезис, 2004. 200 с.
- Огрызко В. Что имеем — не храним: (Об итогах международной конференции «Слово в духовном возрождении народов» // Эринтур. 1997. № 2. С. 279–280.
- Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) Т. II: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. 431 с.
- Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа / Под ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 222 с.
- Перевалова Е.В. Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.

Вавлѐ Нянянг (опыт обобщения материалов и составления родословной)

Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. 1701, 1708 // Северные ворота России. Сообщения путешественников XVI–XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии / Сост., вступ. ст., примеч. Д. Николаева. М.: ОГИ, 2009. С. 51–112.

Розачев Н. Хлеб и соль прозы Маргариты Анисимковой // Эринтур. 1998. № 3. С. 299–308.

Славнин П. Самоеды-грабители в Обдорском крае. ЕТГМ. 1909. Вып. XIX. С. 1–10.

Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века): Сб. прав. актов и док. / Ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. 238 с.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941): Сб. док. / Сост. Н.Д. Радченко, М.А. Смирнова Тюмень, 1994. 320 с.

Сусой Е.Г. Из глубины веков: (Традиции и обычаи ямальских ненцев). Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. 174 с.

Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965.

Терещенко Н.М. Ненцы // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 234–237.

Утков В. Ваули Пиеттомин // Сиб. огни. 1940. № 4/5. С. 228–231.

Фольклор ненцев / Сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 23).

Хомич Л.В. Ненцы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Рус. двор, 1995. 336 с.

Шашков С.С. Исторические этюды. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1872. 352 с.

Felińska E. Wspomnienia z podróży do Syberii, pobytu w Berezowie i Saratowie. Wilno, 1852. Т. 1. 348 s.

Тюмень, ИПОС СО РАН
ukwa@yandex.ru

Subject to summarizing and analysis being popular data about Vavlyo Nenyang — a leader of rebellions by the Nenets and Khanty poor in 1830–1840, published in pre-revolutionary regional editions, historical and ethnographic investigations of the Soviet time, and in fiction. For the first time, basing on archive materials of XVIII–XIX cc. and the newest historical investigations, the author undertook an attempt to compile his genealogy, expressing an opinion on the outlaw character of his rebellions, and establishing a possible location of his exile and death.

Vavlyo Nenyang, Vauli Piettomina, Beryozov, Obdorsk, Samoyeds, Ostyaks, Nenets, Khanty, outlaw, popular hero, genealogy, Karacheya, arrest, exile.